HAL
open science

Варвары и оборона понтийской границы в Юго-Западном Крыму в эпоху поздней Империи

Michel Kazanski

▶ **To cite this version:**

Michel Kazanski. Варвары и оборона понтийской границы в Юго-Западном Крыму в эпоху поздней Империи. ИА РАН. Могильник римского времени Фронтовое 3: варвары на границах Империи, pp.123-135, 2022, 78-5-94375-373-2. ⟨10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-373-2⟩. ⟨hal-03725379⟩

HAL Id: hal-03725379

https://hal.science/hal-03725379v1

Submitted on 16 Jul 2022

HAL is a multi-disciplinary open access archive for the deposit and dissemination of scientific research documents, whether they are published or not. The documents may come from teaching and research institutions in France or abroad, or from public or private research centers.

L'archive ouverte pluridisciplinaire **HAL**, est destinée au dépôt et à la diffusion de documents scientifiques de niveau recherche, publiés ou non, émanant des établissements d'enseignement et de recherche français ou étrangers, des laboratoires publics ou privés.

МОГИЛЬНИК РИМСКОГО ВРЕМЕНИ ФРОНТОВОЕ 3

ВАРВАРЫ НА ГРАНИЦАХ ИМПЕРИИ

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

МОГИЛЬНИК РИМСКОГО ВРЕМЕНИ ФРОНТОВОЕ 3:

ВАРВАРЫ НА ГРАНИЦАХ ИМПЕРИИ

ИА РАН

МОСКВА, 2022

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

УДК 902/904
ББК 63.4
М74

Издание осуществлено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта
№ 20-18-00396 «Варвары и Рим в Юго-Западном Крыму: взаимодействие культур».

В рамках года культурного наследия народов России

Утверждено к печати Ученым советом
Института археологии Российской академии наук

ОТВЕТСТВЕННЫЕ РЕДАКТОРЫ:
доктор исторических наук А. В. Мастыкова,
кандидат исторических наук Э. А. Хайрединова

РЕЦЕНЗЕНТЫ:
доктор исторических наук А. А. Завойкин,
доктор исторических наук А. М. Обломский

Могильник римского времени Фронтовое 3: варвары на границах Империи / Отв. ред. А.В. Мастыкова, Э. А. Хайрединова. М.: ИА РАН, 2022. 344 с.

Настоящее издание представляет собой сборник материалов Международной научной конференции «Могильник римского времени Фронтовое 3: варвары на границах Империи», проведенной 6 – 8 апреля 2022 г. Институтом археологии РАН совместно с Институтом археологии Крыма РАН и Научно-исследовательским Центром Истории и археологии Крыма Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского в г. Симферополе.

Сборник состоит из статей, посвященных исследованию могильника Фронтовое 3, а также результатам изучения других ярких синхронных памятников Понто-Дунайского региона и Средиземноморья. Представленные материалы посвящены широкому кругу вопросов, они позволяют получить более ясное представление о культуре древнего населения Северного Причерноморья и Римской империи в античное время и в начале Средневековья.

Сборник предназначается для археологов, историков, музейных сотрудников, краеведов.

The Roman Period Cemetery of Frontovoe 3: The Barbarians on the Borders of the Empire / Edited by Anna V. Mastykova and Elzara A. Khairedinova. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 2022. 344 p.

This volume presents the collection of the materials presented at the International Scholarly Conference "The Roman Period Cemetery of Frontovoe 3: The Barbarians on the Borders of the Empire" conducted on April 6–8, 2022 in Simferopol by the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences in cooperation with the Institute of Archaeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences and the History and Archaeology of the Crimea Research Centre of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University.

This book is comprised of the papers addressing the researches of the cemetery of Frontovoe 3 and the results of investigations of other important synchronous sites in the Pontus-Danube Area and the Mediterranean. The materials presented in this book uncover a large circle of aspects allowing the reader to get a clear notion of the culture of the ancient populations of the Northern Black Sea Area and the Roman Empire in the Greco-Roman Period and the Early Middle Ages.

It is intended that the readers of these collected papers will be archaeologists, historians, museum workers, and regional history lovers.

На обложке: подвеска-медальон с изображением женщины и ребенка. II в.
Золото. Могильник Фронтовое 3. Фото: А.А. Бронников

ISBN 978-5-94375-373-2
DOI: 10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-373-2

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии РАН, 2022
© Авторы статей (фамилии выделены в содержании курсивом), 2022

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-373-2.123-135

ВАРВАРЫ И ОБОРОНА ПОНТИЙСКОЙ ГРАНИЦЫ В ЮГО-ЗАПАДНОМ КРЫМУ В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ ИМПЕРИИ

Казанский Михаил Михайлович
Лаборатория UMR 8167 «Восток и Средиземноморье» Национального центра научных исследований (CNRS), Париж, Франция

Аннотация: В Юго-Западном Крыму Империя организовывала оборону границы двумя способами: вассализация и милитаризация окрестного населения; расселение инородных варваров, чуждых местному населению. Некрополи данного региона имеют ряд общих черт, обусловленных включением варваров в сферу римской военной политики: милитаризация некоторых групп населения, эгалитарность могил с оружием и конским снаряжением, наличие значительного количества импортов и монет.

Ключевые слова: Позднеримское время; Юго-Западный Крым; оборона границы; некрополи

THE BARBARIANS AND THE DEFENCE OF THE PONTIC FRONTIER IN THE SOUTH-WESTERN CRIMEA IN THE AGE OF THE LATE EMPIRE

Kazanski, Michel
UMR 8167 "Orient and Mediterranean" Laboratory at the National Centre f or Scientific Research (CNRS), Paris, France

Abstract: In case of the south-western Crimea, the Empire organized the defence of its frontier in two ways: by vassalization and militarization of local population, or by settling barbarians of foreign origin who were strange to the locals there. The cemeteries of the region under analysis have several common features appeared when the barbarians were included into the sphere of the Roman military policy: militarization of certain population groups, elite graves containing weapons and horse tack, and the presence of a big number of imported wares and coins.

Keywords: Late Roman Period, south-western Crimea, frontier defence, cemeteries

К началу IV в. жизненные центры Римской империи перемещаются на Восток, о чем свидетельствует перенос столицы в Константинополь (330 г.). Очевидно, оборона этого региона, и в частности понтийской границы, приобретает особое значение для Рима, тем более что военные события III в. показали, насколько быстро бассейн Черного и Эгейского морей может оказаться под ударом варварских флотилий.

На западном берегу Черного моря римская армия имела в тылу мезийские провинции с развитой инфраструктурой, а союзный договор с визиготами 332 г. обеспечивал включение варваров к северу от Дуная в орбиту оборонной политики Империи (см. подробнее: *Demougeot,* 1979. P. 69; *Вольфрам,* 2003. С. 94, 95). Кроме того, на северном берегу Дуная, на территории современной Мунтении, судя по археологическим данным, размещается военизированное население, скорее всего, находящееся на службе Рима (*Kazanski,* 1991. P. 502–508, там же библиография).

В Восточном и Северо-Восточном Причерноморье к первой половине II в., как свидетельствует «Перипл» Арриана (134 г.) и другие источники, возникают вассальные «государства-клиенты», подчиненные Риму. Это Лазика/Эгриси, царства апсилов, абасгов и санигов, Боспор Киммерийский (см. обзоры: *Воронов,* 2010. С. 125–127; *Воронов,* 2014. С. 99–104; *Kazanski,* 1991. P. 488–493, 508–512; *Shchukin, Kazanski, Sharov,* 2006. P. 83–100, там же библиография). Эти политические образования, по сути, формировали линию римской обороны вдоль восточного берега Черного моря, которую поддерживала цепь римских крепостей непосредственно на морском побережье (*Леквинадзе,* 1969).

Иначе сложилась военно-политическая ситуация в Юго-Западном Крыму, которая и будет предметом нашего рассмотрения. Оборона морской границы здесь осложняется отсутствием стратегической глубины – Барбарикум начинается прямо у берега моря. Здесь римляне удерживают на побережье лишь опорные пункты, такие как Херсонес и в течение какого-то времени некоторые крепости, например Харакс, где можно разместить только ограниченные по количеству гарнизоны, последние явно не могут противостоять значительным силам варваров (*Kazanski,* 1991. P. 494–502; *Shchukin, Kazanski, Sharov,* 2006. P. 77).

Представляется, что Империя пыталась здесь усилить оборону понтийской границы двумя способами. Во-первых, это вассализация и милитаризация окрестных варваров. Такая политика принесла ощутимые результаты в эпоху Юстиниана, когда Прокопий Кесарийский отмечает здесь наличие готской страны Дори (о ней подробнее: *Айбабин, Хайрединова,* 2017), под эгидой Византии. Во-вторых, это депортация и расселение на чувствительных участках границы инородных варваров, не связанных по происхождению с регионом, т.е. чуждых местному населению (подробнее: *Казанский,* 2016а).

Эти два процесса должны были оставить в Юго-Западном Крыму конкретные археологические следы, которые здесь будут рассмотрены.

Варварские некрополи округи Херсонеса

Херсонес представлял собой главную военную базу Империи на Северном Понте (рис. 1: *1*). Естественно, его защита была крайне важной для Рима, и, скорее всего, местные варвары были задействованы в организации обороны Херсонеса. Это варварское население херсонесской округи, в долинах рек Черная, Бельбек и Кача, в позднеримское время (середина III – рубеж IV в.) известно, в первую очередь, по большим некрополям (рис. 1: *4–19*), которые я в свое время предложил объединить в памятники типа Инкерман (*Kazanski,* 1991. P. 499–502)[1]. Эти могильники раскапывались широкой площадью, их материал в значительном объеме введен в научный оборот. Можно назвать такие памятники как Инкерман, Черная Речка, Бельбек I–III, Совхоз 10, Килен-Балка, Суворово, Вишневое, Тенистое/Тас-Тепе, Красная Заря, Красный Мак, Танковое, Фронтовое 3, Киль-Дере 1, а также более удаленные Озерное III, Сувлу-Кая, Алмалык-Дере и др.[2] (см. обзоры: *Kazanski,* 1991. P. 499–502; *Айбабин,* 1999. С. 14–26; *Shchukin, Kazanski, Sharov,* 2006. P. 77–81; *Айбабин, Хайрединова,* 2017. С. 41–59; *Гавритухин, Свиридов, Язиков,* 2020. С. 91–110; *Храпунов,* 2021. С. 81, 87; *Gavritukhin et alli,* 2021. P. 87–118; *Язиков, Свиридов,* 2021. С. 455–461, там же библиография и карты памятников). В целом, по А.И. Айбабину, эти памятники делятся на три хронологические группы от 240 по 400 гг. (*Айбабин,* 1999. С. 14). Похожие, но отличающиеся в некоторых деталях схемы, предлагают и другие исследователи (*Юрочкин, Труфанов,* 2007).

В целом, данные могильники принадлежат населению скифо-сарматского происхождения, их этноним для позднеримского времени остается нам неизвестным, хотя их частично идентифицируют с аланами (*Айба-*

[1] Эти могильники, где часто соседствуют кремациии и ингумации, видимо, следует отличать от моноритуальных некрополей культуры Нейзац (о ней см.: *Храпунов*, 2019), расположенных восточнее.

[2] В качестве примера можно упомянуть Бельбек IV, погр. 245, с поздней пряжкой, скорее всего IV в. (*Гущина, Журавлев*, 2016. С. 176. Табл. 171, *4*).

бин, 1990. С. 23, 24; *Храпунов,* 2004. С. 137–140, 149, 153) и с сарматами (*Храпунов,* 2004. С. 136, 137, 149). Предполагается миграция ираноязычных степняков с Северного Кавказа в середине III в. и на рубеже III–IV вв., что проявляется в архитектуре погребальных сооружений и в сопровождающем инвентаре (*Храпунов,* 2004. С. 137–142, 149, 153; *Храпунов,* 2021. С. 86, 87). В это же время происходит и миграция различных германских племен с территории современной Украины (о путях вторжения см.: *Казанский,* 2016б), что также находит отражение в археологическом материале. Так, среди культурных черт варварского населения Юго-Западного Крыма следует отметить присутствие германских элементов, связанных с черняховской, вельбаркской и пшеворской культурами. Они проявляются в погребальном обряде, керамике, костюме, вооружении (*Казанский,* 2006. С. 26–29; *Shchukin, Kazanski, Sharov,* 2006. P. 79–81; *Храпунов,* 2004. С. 145, 146; *Храпунов,* 2021. С. 86). Кроме того, фибула из клада в Долинном (рис. 1: *20*) показывает присутствие и негерманских оседлых варваров, в данном случае карпов (*Kazanski,* 1991. P. 500). Однако при этом на могильниках в ряде случаев наблюдается преемственность в функционировании с предыдущей эпохой, что предполагает выживание местного населения, хотя военные стрессы, связанные отчасти с мигрантами, археологически и нумизматически засвидетельствованы для III в. (см., например: *Пуздровский, Зайцев, Неневоля,* 2001. С. 34–36; *Храпунов,* 2004. С. 146).

В некоторых могильниках довольно высок процент погребений с оружием. Так, в некрополе Озерное III оружие найдено в 6 из 11 захоронений (т.е. приблизительно 55%) (например, рис. 2), в Бельбеке I – в 5 из 22 захоронений (примерно 23%), в Инкермане – в 11 из 56 (приблизительно 20%) (*Kazanski,* 1991. P. 499). На других могильниках позднеримского времени оружия меньше, несмотря на большое количество исследованных могил. Например, в некрополе Черная Речка их всего 7 из 86 исследованных могил (около 8%), или в могильнике Совхоз 10, где к позднеримскому времени отнесены только 10 комплексов с оружием и конским снаряжением (*Стржелецкий и др.,* 2005. С. 143, 144). Исследователи отмечают, что количество оружия в захоронениях возрастает ко второй половине IV в. (*Айбабин, Хайрединова,* 2017. С. 51).

Впрочем, традиция погребений с оружием восходит к более раннему времени. Уже в I–II вв. «позднескифские» некрополи Юго-Западного Крыма содержат немало оружия и конского снаряжения – мечи, кинжалы, стрелы удила и пр. (см., например: *Волошинов, Масякин,* 2007; *Пуздровский,* 2007. С. 66–72; *Гущина, Журавлев,* 2016. С. 73–77). Поэтому присутствие воинской экипировки и конского убора в погребальном контексте не является здесь специфичным для позднеримского времени.

Вооружение из могил интересующего нас периода – это мечи-спаты, кинжалы (рис. 2: *17, 29, 30*), в том числе с вырезами у рукояти, копья, реже умбоны и манипулы щитов (рис. 2: *21, 28*), а также предметы конского снаряжения, чаще всего удила (*Айбабин, Хайрединова,* 2017. С. 50, 51). Набор вооружения характеризует местное варварское войско как конницу, вооруженную длинными мечами и копьями, что типично для населения Северного Понта в римскую эпоху. Считается, что «германский» компонент в вооружении представлен щитами с металлическими умбонами и манипулами (рис. 2: *21, 28*). Однако практика их использования, независимо от происхождения конкретных типов умбонов и манипул, могла появиться у варваров Юго-Западного Крыма не только под влиянием германцев, но и римской армии, например, вместе с размещенными в Крыму во II–III вв. мезийскими ауксилиями, сформированными из фракийцев, у которых обычай помещения щитов в могилы хорошо зафиксирован (*Kazanski,* 1991. P. 501, 502; *Казанский,* 2018)[3].

[3] Для более раннего времени отметим находки шпор в могильнике Скалистое III, погр. 28, группы Гинальский E (см.: *Ginalski*, 1991. S. 59–64), последней трети II – начала III в. (*Богданова, Гущина, Лобода*, 1976. Рис. 8, *48*; *Kazanski*, 1994. P. 431), и в могильнике Битак, склеп 155, в Симферополе, рубеж I в. до н.э. – I в.н.э., восходящей к группам Гинальский C–D (см: *Ginalski*, 1991. S. 57–59), I–II вв. (*Пуздровский*, 2007. С. 72, Рис. 43, *18*). Как известно, шпоры типичны для погребений оседлых варваров Центральной и Восточной Европы, а также

Необходимо подчеркнуть, что некрополи в ряде случаев находятся в стратегических местах, например, в долинах рек Черная и Кача, на путях, ведущих из степи к Херсонесу. Показательно, что могильники, в целом, и погребения с оружием, в частности, содержат большое количество римских импортов, в первую очередь, стеклянных сосудов (рис. 2: *23*), краснолаковой керамики (рис. 2: *25*), амфор (рис. 2: *24*), элементов костюма (например, бус), а также римские монеты. Как только что было сказано, наличие щитов с умбонами и манипулами в погребениях может свидетельствовать о влиянии погребальной практики римских вспомогательных войск.

При общем богатстве в могилах сопровождающих вещей отсутствуют захоронения, которые можно было бы характеризовать как вождеские, хотя последние для позднеримского времени хорошо известны у германцев Центральной Европы или у алано-сармат.

Южный берег Крыма

Участок морского побережья в Южном Крыму играл особую стратегическую роль, поскольку отсюда можно было контролировать морскую дорогу из Херсонеса на Боспор Киммерийский. К позднеримскому времени здесь относится два некрополя с кремациями, Ай-Тодор и Чатыр-Даг, составляющие отдельную группу памятников типа Ай-Тодор (обзоры: *Kazanski*, 1991. P. 494–499; *Айбабин,* 1999. С. 24–29; *Казанский,* 2006. С. 29–32; *Kazanski,* 2002. P. 409–414; *Shchukin, Kazanski, Sharov,* 2006. P. 81–83; *Айбабин, Хайрединова,* 2017. С. 33–41). Как показал О. В. Шаров, эти могильники появляются на рубеже II–III вв., после Маркоманнских войн (*Шаров,* 2013. С. 144, 148). Памятники оставлены населением, размещенным в стратегически важных пунктах – на месте римской крепости Харакс на побережье (Ай-Тодор) и над выходом с Ялтинского перевала (Чатыр-Даг) (рис. 1: *2, 3*).

Погребальный обряд могильников Южного побережья Крыма близок восточногерманскому, но представленное здесь сочетание элементов не характерно для вельбаркской, пшеворской и черняховской культур, с которыми обычно сопоставляют памятники типа Ай-Тодор. Зато параллели южнобережным могильникам нашлись на другом конце Барбарикума, в Норвегии, где трупосожжения с каменными конструкциями и оружием широко распространены в римское время (подробнее: *Kazanski,* 1991. P. 496; *Казанский,* 2006. С. 30–32; *Шаров,* 2010а. С. 126; *Казанский,* 2016а. С. 64, 65). Естественно, между крымскими и скандинавскими некрополями имеются и различия. Но было бы наивно ожидать простую трансплантацию всех черт археологической культуры скандинавских германцев на другой конец Европы. Материальная и духовная культура группы мигрантов неизбежно трансформируется, прежде всего, за счет включения в эту группу инородных элементов (инкорпорация воинов, смешанные браки, захват пленных и заложников и др.) (см.: *Kontny,* 2013). При этом признаки, характерные для памятников типа Ай-Тодор, в Норвегии в таком сочетании в одних и тех же комплексах не встречаются, и, кроме того, хронологически их распространение охватывает весь римский период (*Stylegar,* 2011. P. 230–232). Поэтому вряд ли стоит воспринимать эти параллели, как доказательство прямого переселения каких-то групп германцев из Норвегии в Крым (подробнее: *Казанский,* 2016а. С. 64, 65). Однако тот факт, что весь набор признаков встречается только в этих двух регионах Европы, не может быть случайным.

Присутствие в понтийском бассейне германской этнонимии, имеющей параллели в Северной Европе, несомненно. Это всем

фракийцев Западного Понта и практически полностью отсутствуют в погребальном контексте Северного Причерноморья и алано-сарматский степи римского времени. Совсем не исключено, что находки этих шпор свидетельствуют о проникновении в Крым каких-то северных варваров ранее готских нашествий середины III в. По крайней мере, шпоры из Скалистого по времени совпадают с «прибалтийско-скандинавской» (по терминологии О. В. Шарова) волной северных импортов второй половины II – начала III в. в Северном Причерноморье (см. подробнее: *Васильев*, 2005; Шаров, 2010б. С. 277; *Шаров*, 2013. С. 143, 144; *Шаров, Чореф*, 2015. С. 366–368). С другой стороны, их появление в могилах также можно объяснить влиянием погребальных обычаев римских ауксилий фракийского происхождения.

известные герулы/эрулы (*Heruli/Eruli*), бораны (*Borani*) (последняя работа о них: *Мызгин, Диденко,* 2021), сопоставимые с народом *Varini*, последние проживали в римское время где-то у основания Ютландского полуострова, а также евдусиане (*Εὐδοσιανοι*), известные по Периплу Псевдо-Арриана (V–VI вв.) на черноморском побережье Кавказа и говорившие на готском языке. Германский народ с очень похожим названием, *Eudoses*, известен в I в. н. э. в Ютландии (см. подробнее: *Казанский,* 2016а. С. 62–64, там же библиография и источники).

Обычно полагают, что «северные» народы попадают на Понт в результате миграции из Балтийского бассейна через территорию Центральной и Восточной Европы. Видимо, в большинстве случаев так и было, однако возможны и другие пути миграции этих северян на Черное море. В этом смысле показательны военно-морские приключения франков. Около 280 года франки на Нижнем Рейне разбиты императором Пробом и депортированы на другой конец Империи, куда-то на Понт, для охраны границ. Это довольно распространенная римская практика, вспомним хотя бы переселение сармат в Британию во II в. или депортацию вандалов из Северной Африки в Месопотамию при Юстиниане. Однако в данном случае мероприятие сорвалось – ссыльные варвары восстали и морем вернулись домой на многочисленных, захваченных у римлян кораблях. По дороге они разгромили Грецию, напали на сицилийский город Сиракузы, а также были отражены у стен Карфагена в Африке, после чего через Гибралтар и Атлантику добрались наконец до родины (см. подробнее: *Казанский,* 2016а. С. 63, 64, там же библиография и источники). Эта неординарная история демонстрирует еще один возможный путь попадания северных варваров на Черное море – их депортация и расселение здесь римскими властями с целью укрепления обороноспособности понтийской границы.

Важно отметить, что варвары Южного берега Крыма несомненно включены в систему обороны понтийской границы Империи. Это, скорее всего, военные поселенцы, союзники Империи (*Kazanski,* 1991. P. 494–502; *Мыц и др.,* 2005. С. 179; *Казанский,* 2016а. С. 64–67). Может быть, не случайно кремации Южного Крыма, с умбонами, пиками и римскими кирками-топорами римских легионеров, т. н. *dolabra* (рис. 4: *4*) (ср.: *Bishop, Coulston,* 1993. Fig. 32, *1*; 62, *2*; 111, *1, 2*) напоминают могилы западных союзников Рима (ср.: *Казанский,* 2016а. С. 65, Рис. 6).

Процент погребений с оружием от общего числа на Чатыр-Даге невысок – 5 из 55 (*Шаров,* 2010а; *Шаров*, 2019), т. е. менее 10% (например, рис. 3; 4). Однако здесь фиксируются явно «воинские» погребальные обряды, такие как помещение в могилу ритуально согнутого меча (рис. 3: *4*), что подчеркивает выраженную милитаризация населения, оставившего некрополь. Захоронения с оружием концентрируются на некоторых участках памятника. Так, погребения 2 и 3 находятся рядом в южной части могильника, а погребения 12, 20, 55, также расположенные поблизости одно от другого, вытянуты в линию на западном участке в северной части памятника (*Мыц и др.,* 2006. Табл. 2, *13*; *Шаров,* 2010а), не исключено, что это какие-то особые (семейные?) группы захоронений.

На могильнике Ай-Тодор (*Блаватский,* 1951; *Орлов,* 1987; *Строков, Камелина,* 2021) оружие и конское снаряжение встречено в 9 погребениях из 42, что составляет примерно 25% от общего числа (например, рис. 5). Они расположены более или менее равномерно по всему раскопанному участку и явно свидетельствуют о значительной милитаризации оставившего памятник населения. Набор оружия (мечи-спаты, кинжалы, копья, топоры, щиты с металлическими умбонами и манипулами) характеризует варварское войско, оставившее некрополи типа Ай-Тодор, как пехоту – скутариев.

Наконец, оба памятника содержат значительное количество римских импортов – стекло, красный лак, амфоры (рис. 3: *5*; 4: *5*) и пр., а также римские и боспорские монеты.

* * *

Рассмотренные памятники Юго-Западного Крыма имеют ряд общих черт:

– выраженная милитаризация некоторых групп, оставивших некрополи, проявившаяся в значительном числе погребений с оружием или же в погребальных обычаях, связанных с воинскими ритуалами;

– при отсутствии бесспорных погребений воинских предводителей наблюдается некая эгалитарность могил с оружием и конским снаряжением;

– присутствие большого количества импортных изделий римского происхождения: стекло, красный лак, амфоры и пр., что свидетельствует, во-первых, о зажиточности населения, оставившего эти памятники, а во-вторых, о его значительной вовлеченности в экономическую и культурную орбиту Рима («римский образ жизни»?).

Эти черты можно объяснить римским влиянием, когда трансформация социальных структур местных варваров, вызванная их втягиванием в сферу римского военно-политического влияния, отражается в милитаризации населения, и в то же время римские выплаты распределяются относительно равномерно и позволяют поддерживать общий материальный уровень. Скорее всего, эта «римская вуаль» отражает включение варваров Юго-Западного Крыма в систему обороны понтийской границы Империи.

ЛИТЕРАТУРА

Айбабин А. И., 1999. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: Дар. 352 с.

Айбабин А. И., Хайрединова Э. А., 2017. Крымские готы страны Дори (середина III–VII в.). Симферополь: Антиква. 368 с.

Блаватский В. Д., 1951. Харакс // Материалы и исследования по археологии СССР. № 19 (Материалы по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху. Т. I) / Отв. ред. В. Д. Блаватский, Б. Н. Граков. М.: Изд-во АН СССР. С. 250–291.

Богданова Н. А., Гущина И. И., Лобода И. И., 1976. Могильник Скалистое III в Юго-Западном Крыму (I–III вв.) // Советская археология. № 4. С. 121–152.

Васильев А. А., 2005. О времени появления германских дружин на Боспоре // Боспорский феномен / Ред. И. Ю. Зуев. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. С. 343–349.

Волошинов А. А., Масякин В. В., 2007. Погребения с оружием из некрополя римского времени у с. Заветное в Юго-Западном Крыму (раскопки 2005–2006 гг.) // Древняя Таврика. Посвящается 80-летию Татьяны Николаевны Высотской / Отв. ред. Ю. П. Зайцев, В. И. Мордвинцева. Симферополь: Универсум. С. 291–302.

Вольфрам Х., 2003. Готы. От истоков до середины VI века (опыт исторической этнографии). СПб.: Ювента. 656 с.

Воронов Ю. Н., 2010. Тайна Цебельдинской долины // Воронов Ю. Н. Научные труды. Т. III. Сухум: Абхазский институт гуманитарных исследований. С. 5–140.

Воронов Ю. Н., 2014. Очерки истории Абхазии // Воронов Ю. Н. Научные труды. Т. IV. Сухум: Абхазский институт гуманитарных исследований. С. 69–168.

Гавритухин И. О., Свиридов А. Н., Язиков С. В., 2020. Могильник римского времени Фронтовое 3 в Юго-Западном Крыму (предварительное сообщение) // Российская археология. № 2. С. 91–110.

Гущина И. И., Журавлев Д. В., 2016. Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму. М.: Исторический музей. Ч. 1. 272 с.; Ч. 2. 320 с.

Казанский М. М., 2006. Германцы в Юго-Западном Крыму в позднеримское время и в эпоху великого переселения народов // Готы и Рим / Ред. М. Е. Левада. Киев: Стилос. С. 26–41.

Казанский М. М., 2016а. «Понтийский лимес» в эпоху позднеримской империи и варвары // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. XXI. С. 57–82.

Казанский М. М., 2016б. Пути проникновения готов на Боспор Киммерийский и природные условия Северного Причерноморья в III в. // Боспорские исследования. Вып. XXXIII. С. 137–162.

Казанский М. М., 2018. Погребения со щитом в Северном и Восточном Причерноморье в позднеантичное время: истоки обряда // Материалы Международной научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения ученого-кавказоведа Ю. Н. Воронова / Отв. ред. О. Х. Бгажба. Сухум: Дом печати. С. 133–144.

Леквинадзе В. А., 1969. «Понтийский лимес» // Вестник древней истории. № 3. С. 75–93.

Лобода И. И., 1977. Раскопки могильника Озерное III в 1963–1965 гг. // Советская археология. № 4. С. 236–252.

Мызгин К. В., Диденко С. В., 2021. Бораны Зосима, Боспорское царство и поход на Трапезунд // Światowit. Supliment Series C: Pontica et Caucasica II. Interdisciplinary research on the antiquity of the Black Sea / Eds. M. Matera, R. Karasiewicz-Szczypiorski. Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego. С. 311–336.

Мыц В. Л., Лысенко А. В., Щукин М. Б., Шаров О. В., 2006. Чатыр-Даг – некрополь римской эпохи в Крыму. СПб.: Нестор-История. 208 с.

Орлов К. К., 1987. Ай-Тодорский некрополь // Материалы к этнической истории Крыма / Отв. ред. Т. Н. Высотская. Киев: Наукова думка. С. 106–133.

Пуздровский А. Е., 2007. Крымская Скифия II в. до н. э. – III в. н. э. Погребальные памятники. Симферополь: Бизнес-Информ. 480 с.

Пуздровский А. Е., Зайцев Ю. П., Неневоля И. И., 2001. Новые памятники III–IV вв. в Юго-Западном Крыму // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. VIII. С. 32–50.

Стржелецкий С. Ф., Высотская Т. Н., Рыжова Л. А., Жесткова Г. И., 2005. Население округи Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз № 10») // Stratum plus. № 4. С. 27–277.

Строков А. А., Камелина Г. А., 2021. Материалы Ай-Тодорского могильника в собрании Государственного исторического музея из раскопок В. Д. Блаватского: новое обращение к забытой коллекции // Stratum plus. № 4. С. 383–400.

Храпунов И. Н., 2004. Этническая история Крыма в раннем железном веке. Симферополь, Керчь. 240 с.

Храпунов И. Н., 2019. Археологическая культура позднеримского времени в предгорном Крыму // Российская археология. № 1. С. 32–49

Храпунов И. Н., 2021. Инновации IV в. н. э. в культуре населения крымских предгорий // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. 3. С. 80–91.

Шаров О. В., 2010а. Воинские погребения могильника Чатыр-Даг // Inter ambo maria. Контакты между Скандинавией и Крымом в римское время. Тезисы докладов. Симферополь. С. 118–128.

Шаров О. В., 2010б. Данные письменных и археологических источников о появлении германцев на Боспоре (проблема выделения «германских древностей» на Боспоре) // Stratum plus. № 4. С. 251–285.

Шаров О. В., 2013. В поисках страны «Ойум»: эпос или реальность? // Древности Западного Кавказа. Вып. 1. С. 118–155.

Шаров О. В., 2019. Воинские погребения могильника Чатыр-Даг в Восточном Крыму // Stratum plus. № 4. С. 285–310.

Шаров О. В., Чореф М. М., 2015. К вопросу о датировке *tabula ansata* с именем Юлия Каллисфена // Stratum plus. № 4. С. 357–378.

Юрочкин В. Ю., Труфанов А. А., 2007. Хронология могильников Центрального и Юго-Западного Крыма // Древняя Таврика. Посвящается 80-летию Татьяны Николаевны Высотской / Отв. ред. Ю. П. Зайцев, В. И. Мордвинцева. Симферополь: Универсум. С. 359–382.

Язиков С. В., Свиридов А. Н., 2021. Новый могильник римского времени Киль-Дере 1 в Инкерманской долине: первые итоги исследования // XXII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Новые открытия, новые проекты. Материалы международной научной конференции / Ред.-сост. В. Н. Зинько, Е. А. Зинько. Симферополь-Керчь: Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма Крымского федерального университета, Институт археологии Крыма РАН, Благотворительный фонд «Деметра». С. 455–461.

Bishop M. C., Coulston C. N., 1993. Roman Military Equipment from the Punic Wars to the Fall of Rome. London: B. T. Batsford Ltd. 256 p.

Demougeot E., 1979. La formation de l'Europe et les invasions barbares. 2.1. De l'avènement de Dioclétien au début du VIe siècle. Paris: Auber. 410 p.

Gavritukhin I., Golofast L., Mastykova A., Sviridov A., Sukhanov E., Yazikov S., 2021. The Cemetery of Frontovoe 3: New Data on the Culture of the Crimea in the Roman and Early Great Migration Periods // Študijné zvesti. 68. P. 87–118.

Ginalski J., 1991. Ostrogi kabłąkove kultury przworskiej. Klasyfikacja typologiczna // Przegląd Archeologiczny. Vol. 38. P. 53–84.

Kazanski M., 1991. Contribution à l'histoire de la défense de la frontière pontique au Bas- Empire // Travaux et Mémoires. Vol. 11. P. 487–526.

Kazanski M., 1994. Les éperons, les umbo, les manipules de boucliers et les haches de l'époque romaine tardive dans la région pontique: origine et diffusion // Beiträge zur römischer und barbarischer Bewaffnung in der ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten / Hrsg. C. von Carnap-Bornheim. Lubin, Marburg: Vorgeschichtliches Seminar der Phillips-Universität Marburg. S. 429–485.

Kontny B., 2013. New Traces to Solve the riddle: Weapons from Chatyr-Dag // Inter Ambo Maria. Northern Barbarians from Scandinavia towards the Black Sea / Eds. I. Khrapunov, F.-A. Stylegard. Kristiansand, Simferopol: Dolya. P. 196–212.

Shchukin M., Kazanski M., Sharov O., 2006. Des Goths aux Huns: Le Nord de la mer Noire au Bas-Empire et a l'époque des Grandes Migrations. Oxford: John and Erica Hedges Ltd. British Archaeological Reports. 482 p. (BAR International Series 1535).

Stylegar F.-A., 2011. Weapon graves in Roman and Migration period Norway (AD 1–550) // Inter Ambo Maria. Contacts between Scandinavia and the Crimea in the Roman Period / Eds. I. Khrapunov, F.-A. Stylegard. Kristiansand, Simferopol: Dolya. P. 217–235.

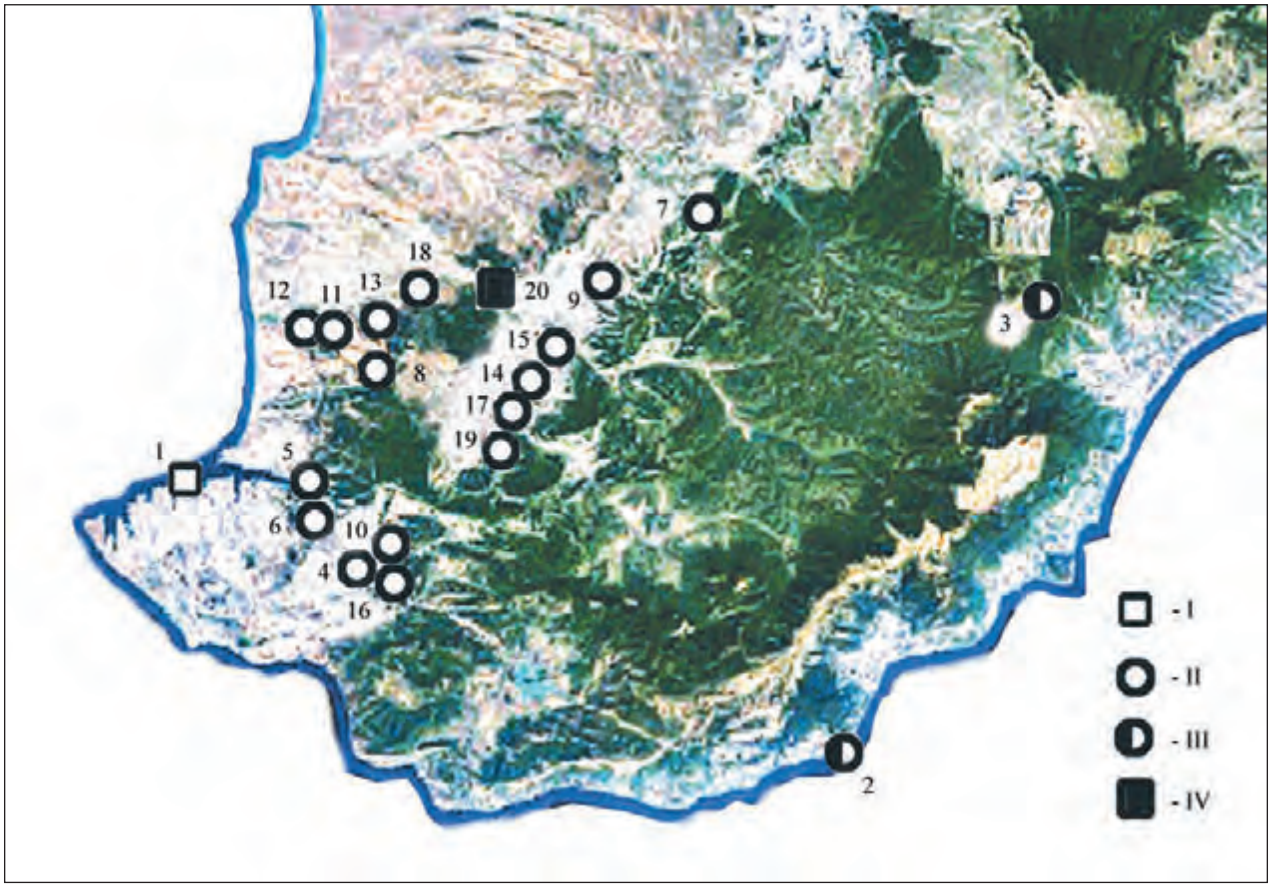

Рис. 1. Памятники Юго-Западного Крыма позднеримского времени.
I – Херсонес; II – основные могильники типа Инкерман (херсонесская округа);
III – могильники типа Ай-Тодор; IV – клад.
1 – Херсонес; 2 – Ай-Тодор; 3 – Чатыр-Даг; 4 – Черная Речка; 5 – Инкерман; 6 – Килен-Балка;
7 – Озерное III; 8 – Бельбек I–III; 9 – Сувлу-Кая; 10 – Совхоз 10; 11 – Суворово; 17 – Красный Мак;
18 – Красная Заря; 19 – Алмалык-Дере; 20 – Долинное (по: *Айбабин, Хайрединова*, 2017; *Храпунов*, 2021,
с дополнениями). Учитывая масштаб карты, локализация памятников приблизительна

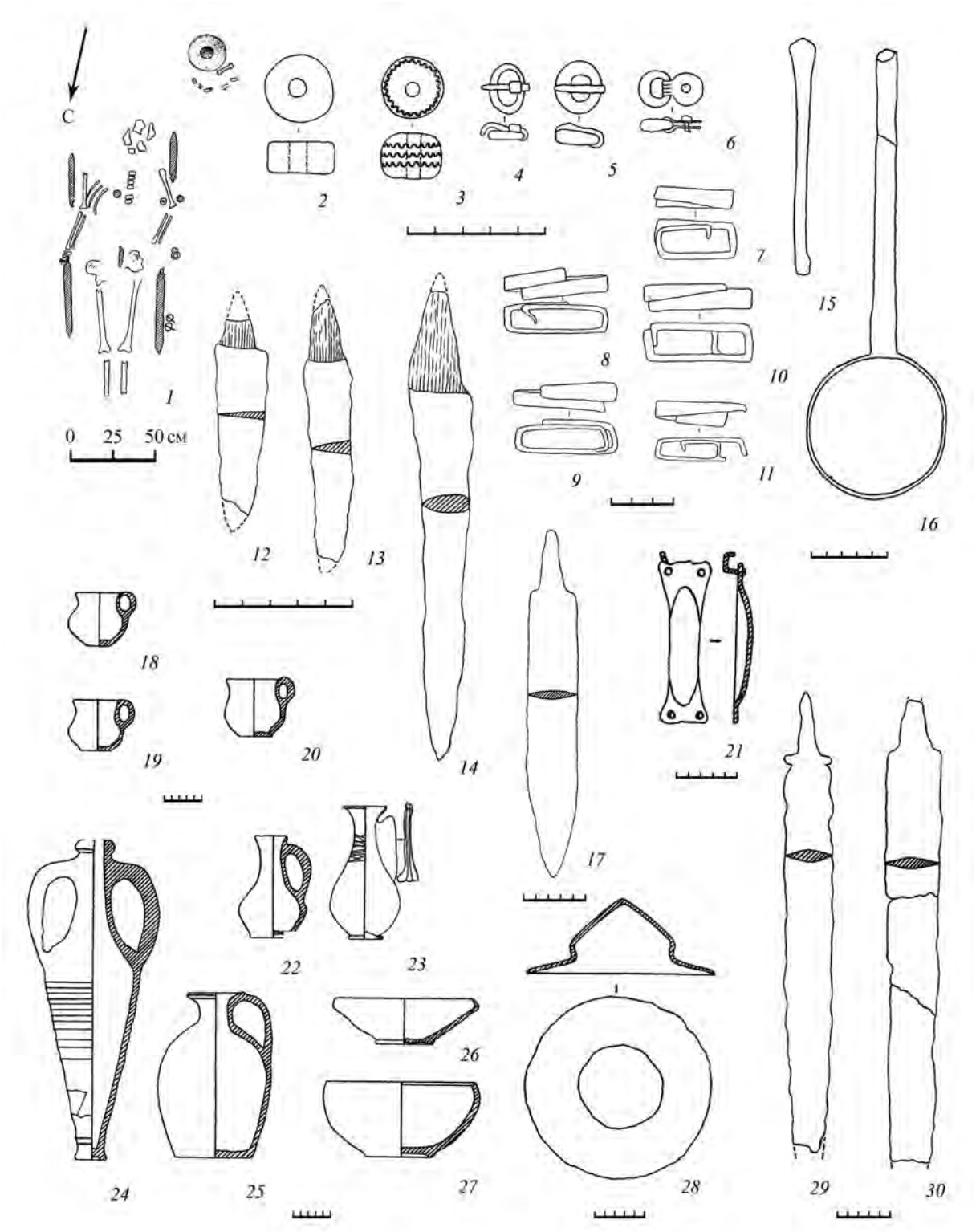

Рис. 2. Могильник Озерное-III, склеп 2 (с монетой 308–327 гг.)
(по: *Лобода*, 1977. Рис. 3; 6; 7).

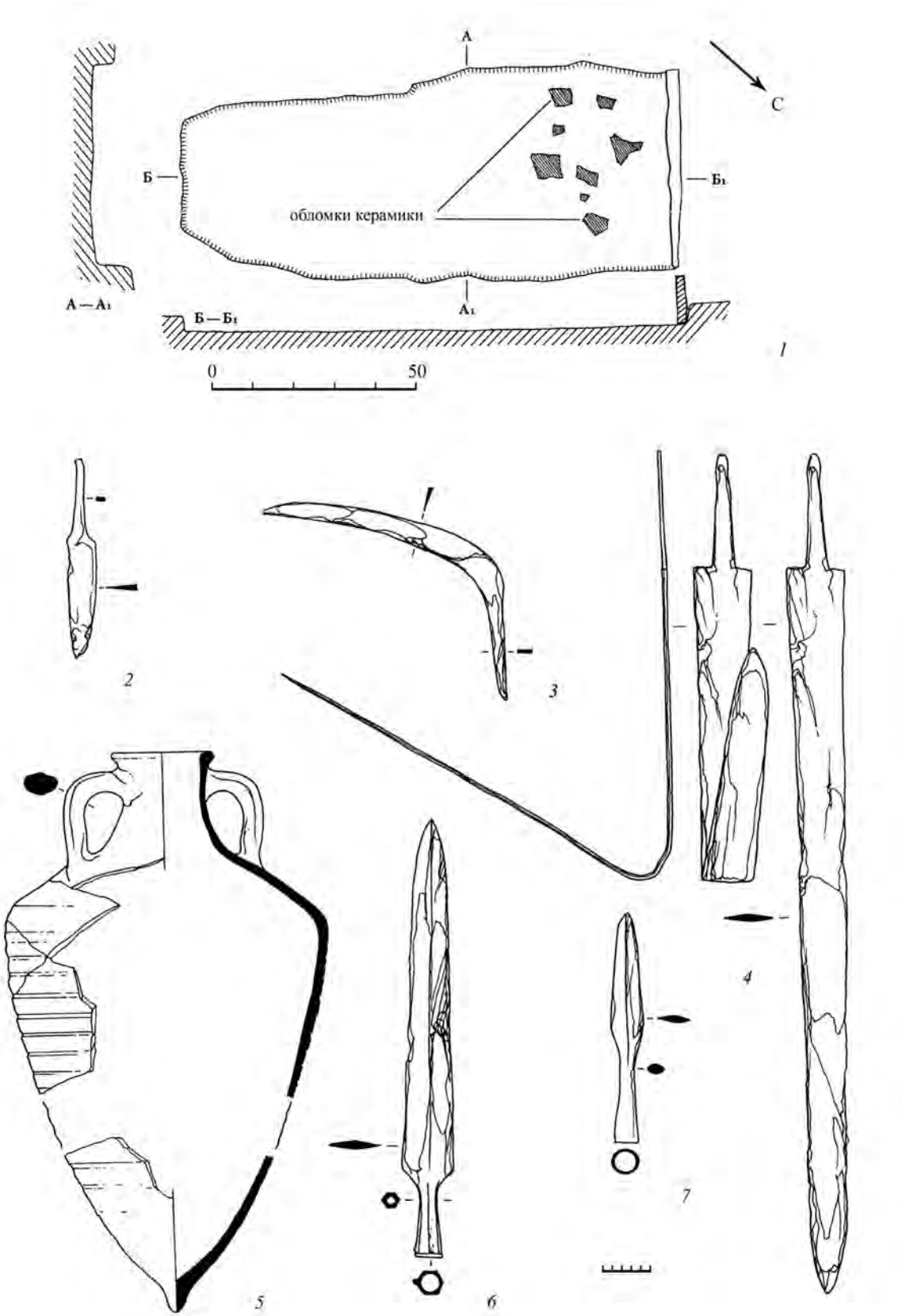

Рис. 3. Могильник Чатыр-Даг, погребение 2
(по: *Мыц и др.*, 2006. Рис. 5; 6)

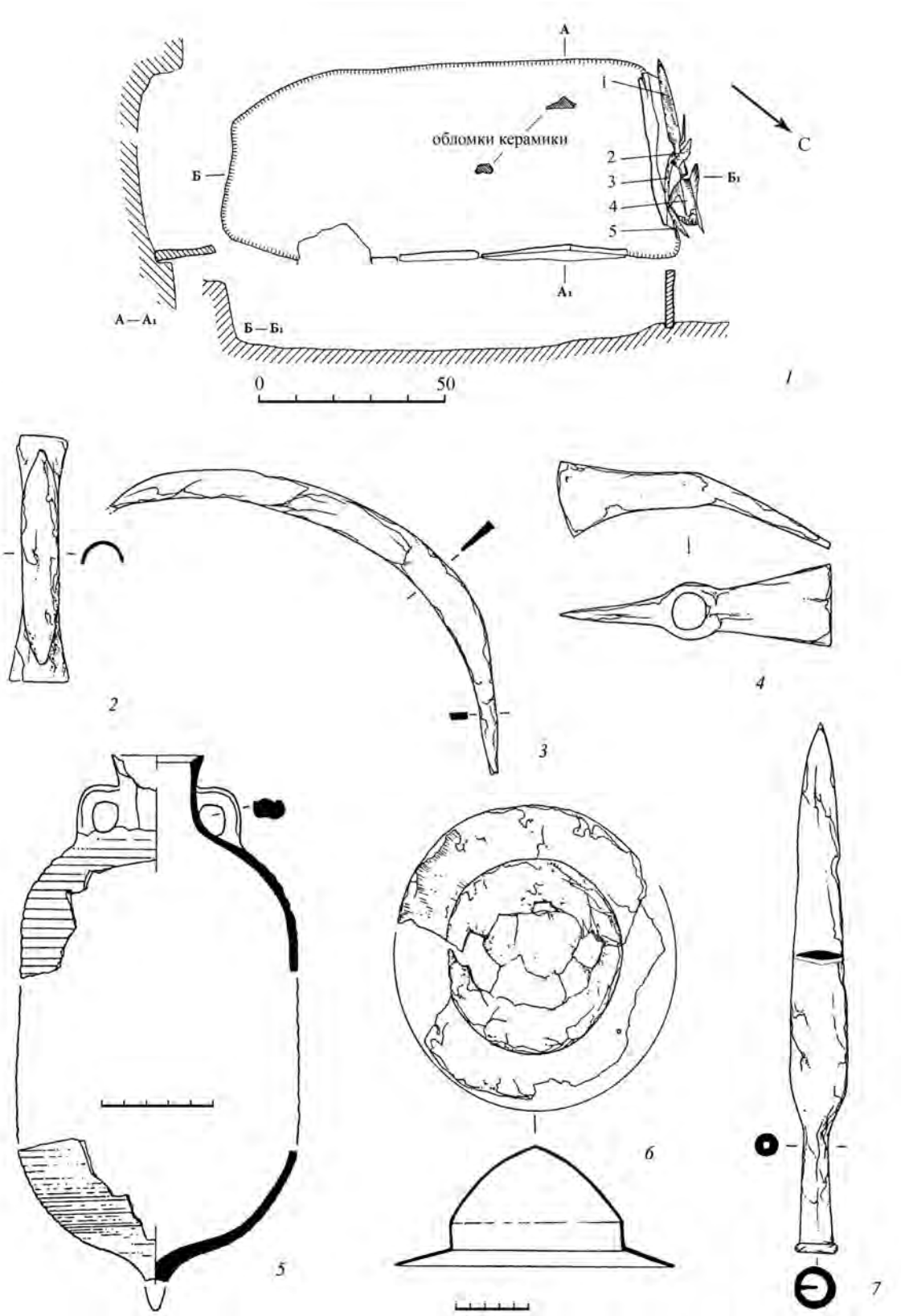

Рис. 4. Могильник Чатыр-Даг, погребение 3
(по: *Мыц и др.*, 2006. Рис. 5; 7)

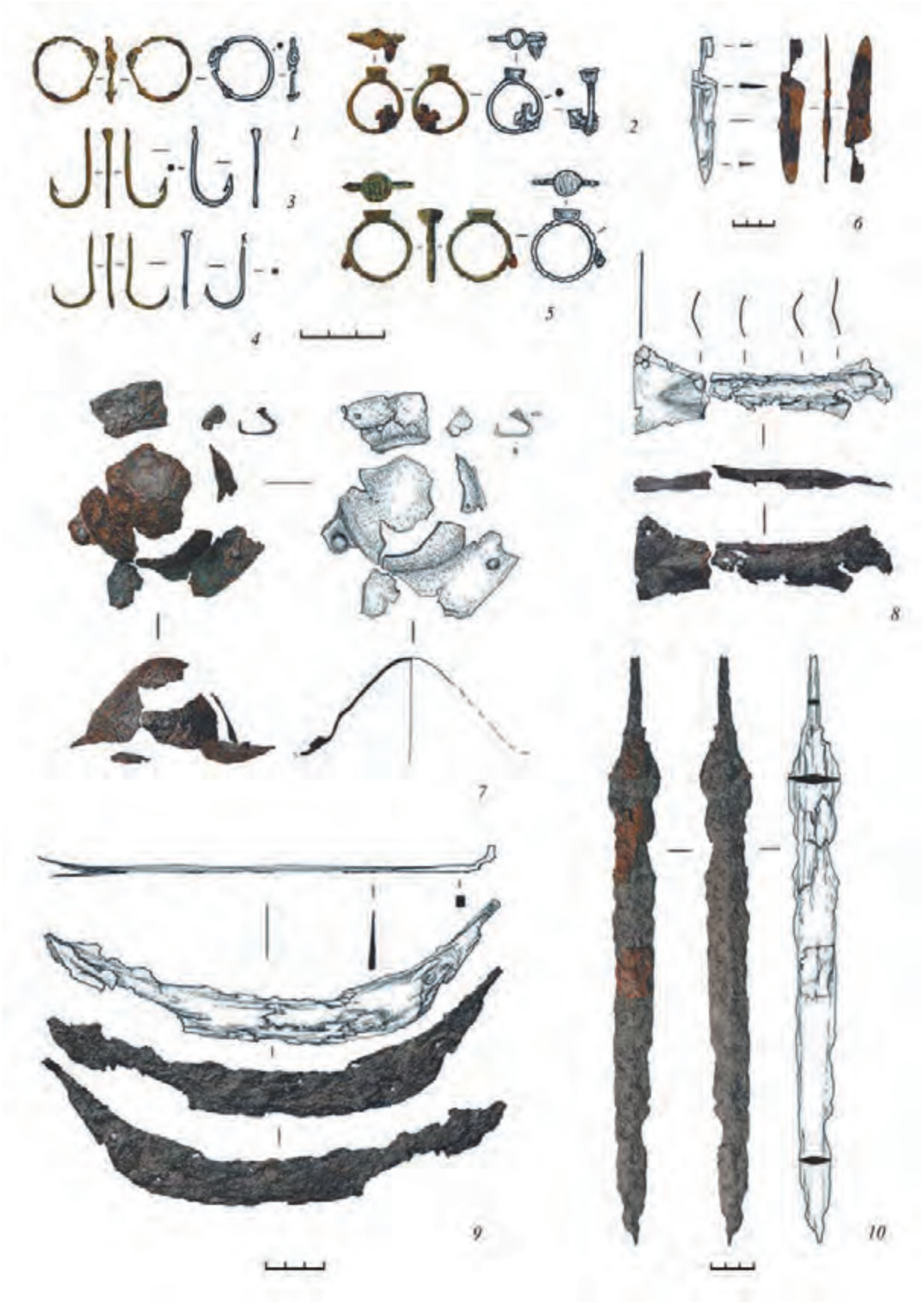

Рис. 5. Могильник Ай-Тодор, погребение 11
(по: *Строков, Камелина*, 2021. Рис. 7–9)